

Сергей Аман

*Всё будет хорошо,
мы все умрём!*

Сергей Аман

Всё будет хорошо, мы все умрём!

ИД «Флюид ФриФлай»

2018

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Аман С.

Всё будет хорошо, мы все умрём! / С. Аман — ИД «Флюид ФриФлай», 2018

ISBN 978-5-906827-70-8

Повествование в романе ведется от первого лица «бомбилы», бывшего преподавателя философии, который, общаясь с пассажирами и постоянно попадая в различные передряги, рассуждает о времени, поколении, человеческой природе, о бессмысленности повседневной суеты и об «абсурде как основе нашей жизни». Содержит нецензурную брань.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-906827-70-8

© Аман С., 2018
© ИД «Флюид ФриФлай», 2018

Содержание

Бомбила	6
Поблинушка из Бездны	12
Подольские невесты	18
Леди из сети	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Аман

Всё будет хорошо, мы все умрём!

© Сергей Аман, 2018

© ИД «Флюид ФриФлай», 2018

* * *

*«Маркс, Фрейд, Христос – любая система окажется концлагерем,
если принимать её полностью и без иронии».*

Андрей Гусев, «Мир по Новикову»

Автор хочет заметить, что действительные имена, адреса, пароли и явки в представленном вашему вниманию почти документальном повествовании изменены до неузнаваемости, хотя в этом нет нужды, потому как все персонажи и места действия, выведенные в нём, никакой исторической роли не играют и на неё даже не претендуют. Конечно, узнавшие себя и решившие, что изображены они в неподобающем виде, могут подать на автора в суд, но вот тут-то он и вправе сказать: «А у меня с вашим ФИО может совпасть целое трио!», намекая этой замысловатостью, что перемешал он в использованных фамилиях, именах и отчествах не только исходные паспортные данные, но и характерные особенности как минимум трёх разных «исполнителей ролей». Вот и поди разберись. Мол, любые совпадения фактов или имён исключительно случайны. Как случайны сочетания разноцветных стёклышек внутри крутящегося калейдоскопа, которые изредка, как ни крути, вдруг возьмут да и повторятся. И он, автор, в этом явно неповинен. Да, впрочем, что с него, с автора, взять, когда он и самого себя называет не по имени, а каким-то Бомбиллой...

Бомбила

Бомбилы бывают разные. Я бомблю недавно и по нужде, но уже успел вывести такое умозаключение: самые скупые клиенты – кавказцы и негры. Мало того, что будут торговаться за каждый полтинник, но ещё и потребуют, чтобы ты их подвёз к самому подъезду. Самые щедрые – русские, однако, будто подтверждая иностранный тезис о загадочной русской душе, сбегали от меня, не заплатив, тоже именно русские.

Что тут далеко ходить, вот только сегодня один такой меня на три столтника нагрел. Худой длинноногий курчавый козёл, сбежавший не заплатив.

Дело было около двух ночи, когда я вдруг решил проехаться по району. Я взял его недалеко от метро «Перово» до Дмитровского шоссе за триста рублей. Этого, конечно, было мало, но он был первым в этот выезд, а первому по таксистским суевериям не отказывают, форта не будет, да я к тому же никогда и не торгуюсь. Если совсем не в жилу, просто отказываюсь везти.

Мы летели по пустому ночью МКАДу, и я прикидывал, сколько с этими тремястами у меня получится сегодня и за что я завтра смогу заплатить. Только за коммунальные услуги горячей любимой жилищно-эксплуатационной конторе за мою однушку в хрущобе надо было отстегнуть почти полторы тысячи. Плюс телефон с интернетом. Плюс бензин. Да и жратвы надо купить. Тем более Лина должна приехать. В общем на круг выходило, что в ближайшие три дня у меня уйдёт тыщи три, как минимум. А на кармане только пятихатка. Тут мы повернули на Дмитровку, и он стал объяснять, куда ехать.

Долго по его указке колесили по улочкам. Потом он сказал: «Вот здесь остановите», – и я тормознул. Выйти он не мог, так как против задней двери, где он сидел, оказался столб. Я встал около него без задней мысли, мол, пока не заплатит – дверь не откроет, само так получилось. Вдруг он попросил подвезти его к аптеке, чтобы ему купить лекарство. А аптека вон она, пятьдесят метров назад, я, когда ещё подъезжал, заметил светящийся зелёный крест и вывеску. Я сдал задним ходом к аптеке и только затормозил – он тут же выскочил и дунул сразу во все свои длинные ноги. А я-то ведь, подтупевший уже к этому времени суток, даже не подумал: «Какая аптека в три часа ночи?» И довольно спокойно отреагировал на побег, так как сразу понял, что к чему. Не бежать же за ним. И нога болит, и пока отстегнёшь ремень безопасности да из салона своей старенькой «шестёрки» выползешь, его и след простынет. Я сразу развернулся и поехал обратно. И, конечно, заплутал. Вот так всегда, как выеду из своего района.

Мотался, матерясь, часа полтора по пустынным улицам, всё время попадая на какие-то незнакомые мне места, пока не выехал на Третье кольцо и через центр доехал до шоссе Энтузиастов. Так что «наварил» я в эту ночь здорово. Одного только бензина сжёг рублей на двести. А нервов сколько сжёг? Ты понимаешь, козёл длинноногий, что ты теперь на всю жизнь останешься козлом, педераст онанистический? Это я ему – козлу этому. Ну да ладно – сам дурак. Умнее буду. Не стал больше никого ловить, поехал сразу домой, выпил со злости и завалился спать.

С утра тоже дела не фонтан. Весь день сидел за компом – искал работу. Вышел только хлеба да картошки купить, она к концу лета подешевела, консервы ещё пока у меня есть. Две сотни на вечер оставил – заправиться перед выездом. Осталась сотня с мелочью на развод.

Снова сел за комп. Бесплезняк. Если что-то для меня подходящее, гуманитарное, звонишь – уже взяли. А так – одни продавцы, грузчики, охранники или, наоборот, специалисты высокого класса и определенного профиля. С моим философским образованием да возрастом «за 45» я на хрен никому не нужен. И это уже, похоже, абсолютная истина.

Проваландался так до вечера и решил выехать пораньше, ещё засветло. Темнеть уже стало ощутимо раньше, всё-таки конец августа. Залил бензин на заправке, которую недавно открыли прямо рядом с нашим домом. Сумасшедшие цифры на ценнике – за литр восьмиде-

сятого девятнадцать рублей с копейками. На две сотни вышло чуть больше десяти литров, ну, для начала хватит. Наконец выехал.

Сначала, думал, повезло – только от заправки отъехал, девушка с тротуара руку тянет. Летом у меня стёкла на передних дверцах всегда опущены, чтобы выдувало дым, когда курят в салоне, и с потенциальными пассажирами было проще общаться. Она сунула голову в окошко и хрипло произнесла: «Работаю». «Я тоже», – буркнул я в ответ и тронул с места. До меня как-то сразу дошло – проститутка!

Не то чтобы мои моральные принципы не позволяют мне общаться с дамами лёгкого поведения, тут скорее что-то физиологическое – у меня к ним непреодолимая брезгливость. А так – каждый зарабатывает как может. И чем может. Я вот машиной, они передним местом. Но в постель я с ними не лёг бы. Однако как здорово я сразу ей ответил. Даже остроумно. У меня это редко получается. Кстати, случай блеснуть остроумием в этот вечер мне представился ещё раз.

Я катил по опустевшим улицам. Когда везёт, в это время как раз начинают попадаться подзадержавшиеся на работе или в гостях потенциальные клиенты. Но сегодняшний день, видимо, был не из везучих. Наконец, уже в районе Новогиреева, я подобрал парочку среднего возраста и довольно солидного вида до Южного Измайлова. Туда минимум двести рублей, а я, полагаясь на солидность этих «господ» и своё знание людей, решил, что тут пахнет пятихаткой, не ниже.

Они мило ворковали друг с другом, а я предвкушал первые нормальные деньги. И когда, расплачиваясь, мужик протянул мне сторубливку и доброжелательно сказал: «Спасибо, нам было приятно в вашем обществе», – я в шоке не нашёлся что ответить. Во-первых, от такой вежливости я всегда теряюсь, а во-вторых, я сразу припомнил, что цену мы не обговаривали, а в таких случаях клиент всегда прав.

Сколько раз говорил себе, что цену нужно назначать сразу, а ночью ещё и требовать деньги вперёд, ан нет же. Интеллигентность моя, видите ли, не позволяет. Они уже скрылись из виду, а я всё ещё продолжал язвительно высказывать им приходившие на ум колкости: «Спасибо за щедрость!», или «Если не можете заработать на такси, ездите общественным транспортом», или «Даже подростки дают в два раза больше» – и так далее в том же духе.

Расстроенный, я повернул в обратку и опять, как всегда, по ходу вертел головой по сторонам. Но голосующих не наблюдалось. Я ехал не торопясь и думал, сворачиваться ли домой или попытать счастья ещё. Часов одиннадцать было, в принципе не поздно. И я решил сделать один кружок по своему району. Свернул на Плеханова, вижу, стоит в тусклом свете фонарей небольшая толпа, человек пять, и издали руками машут. Я подъехал и рассмотрел, что там три женщины и два мужика. Когда тормознул около них, дверь дёрнул один из парней в спортивном костюме и весело крикнул:

– Командир, в Железку женщину отвезёшь?

Я уточнил:

– До Железнодорожного?

– Ну да! – ухмыльнулся мужик.

– Пятихатку даёте? – спросил я, парень загоготал в ответ:

– Ну да! – и повернулся к своим. Было видно, что все они хорошо навеселе, и меня порадовало, что везти, похоже, придётся только одну «подругу». Они начали прощаться. Как это бывает у подгулявшей компании, пошли обнимашки, весёлые возгласы, вопросы, напутствия и похлопывания по плечу, потом вдруг кто-то рассыпал звонкую мелочь и все бросились её собирать с тротуара и сзади машины, гогоча ещё громче и заразительнее. Я сидел, стараясь спокойно дождаться пассажирку.

Тут парень распахнул заднюю дверь и стал усаживать свою подругу, которая продолжала с кем-то из остающихся живой и тёплый разговор. Кстати, на его подругу она явно не тянула,

так как оказалась прилично старше его и гораздо более пьяной, что стало понятно, когда она, втискиваясь, потеряла равновесие. Грузная женщина ухнула вниз головой и ткнулась носом в сиденье, лишь через минуту приняв при помощи не приводимых в приличном обществе идиоматических выражений великого русского языка вертикальное положение. Усаживающий её, изогнутый наполовину в салоне парень вдруг погрозил мне пальцем:

– Смотри, мужик, чтоб доставил в целостности и сохранности, я твой номер запомнил, – затем обернулся к другому представителю мужского пола и сказал: – Давай.

Тот протянул ему кулак и ссыпал что-то звякающее. Парень протиснулся мимо подруги и протянул кулак мне. Я принял в ладонь подаяние, которое при ближайшем рассмотрении оказалось тремя мятыми сотками и целой жменей мелочи. Она была увесистой, однако двух сотен тут явно не набиралось. Я хотел было заявить подателю сего ноту протеста, но парень уже, вывернувшись из салона, захлопнул дверцу. Мысленно плюнув, я решил, что лучше не связываться, ссыпал плату за проезд в монетоприёмник у рычага коробки передач, как я называл пластиковый короб с несколькими выемками, где кроме денег лежала всякая мелочёвка вроде самостоятельно изготовленных на принтере визиток, пачки сигарет и пары старых свечей зажигания, и тронул машину, прикидывая, как лучше выехать к Носо вихинскому шоссе.

Женщина оказалась словоохотливой до безобразия, сразу начав рассказывать, что её зовут Антониной, а провожали её дочь с мужем Юрием и их друзья, тоже семейная пара. У дочери день рождения, она не работает, Юра ей не даёт, жалеет её, хотя сам пока без работы. Так что Антонина сама им всё сегодня привезла, и выпивку, и закуску, да так хорошо посидели, что ещё несколько раз пришлось в магазин сбегать. Но ей никаких денег не жалко для счастья дочери, она может и себя содержать, и их, так как предпринимательница, у неё продуктовый магазин в Железке и возит её собственный водитель, да вот сегодня отпросился он по причине рождения сына и теперь, чувствует она, несколько дней придется ей жить безлошадной, так как отмечать сынорождение у них принято широко. И завтра ей, между прочим, предстоит продолжение банкета уже в компании своего шофёра Вити.

– А тебя как зовут? – поинтересовалась Антонина, перейдя сразу на «ты», хотя мне она в матери явно не годилась.

– Вася, – буркнул я первое пришедшее на ум имя. Впрочем, этот Вася всегда со мной. У других за всё отвечает Пушкин, а у меня Вася. Откуда это имя пришло – не знаю. Никаких Васей в знакомых у меня нет, и ничем они меня обидеть не могли. Хотя, может быть, как раз поэтому – безобидное имя. А вот Антонина, похоже, не такая безобидная. Раздражала она меня. Не люблю пьяных тёток. Не люблю их пьяные разговоры с повторениями одного и того же по сто раз, хотя этим, конечно, и мужики грешат не меньше. Не люблю, когда начинают курить в машине, не спрашивая разрешения, а она уже дымила сзади, и я боялся, не прожгла бы ткань сиденья. Со злости сам закурил.

– Вы окно приспустите, там пепельницы нет, – сказал я, намекая, что пепел на пол стряхивать не надо.

– Василий, а ты приходи работать ко мне, – не обратила внимания на моё тонкое замечание Антонина. – Страшно ведь по ночам хрен знает кого развозить, сейчас бандитов развелось...

Я слегка опешил, когда услышал обращённое в свою сторону имя Василий, как-то мне не подумалось, что человек его примет всерьёз, я-то ведь его всерьёз не принимал.

– Я подумаю, – не сразу отозвался я.

– Давай-давай, – не отставала она, – запиши мой номер.

– Диктуйте, я запомню, – сказал я, чтоб только она отстала. Знаю я таких работодателей, которые тебя наутро и не вспомнят. Но продолжения не последовало. Вернее, послышался в ответ какой-то странный хрип. Я глянул в зеркало заднего вида и понял, что это не хрип, а

храп – предпринимательница, задрал голову на спинку сиденья, спала с открытым ртом. Что ж, я такое видел уже не раз.

Я оглянулся назад, чтобы проверить, где сигарета, не обнаружил её и облегченно вздохнул. Но тут до меня дошло, что окна-то сзади закрыты, значит, она всё равно здесь – и поспешно притормозил. Выйдя, я выкинул, как раз докурив, свою, открыл заднюю дверь и сунул нос в салон. Вот она, родимая, еще слегка дымит под её ногами, хорошо, что на коврике резиновом, а не на ткани сиденья. Я выковырял окурочек и, выбросив, устроился на водительское место.

До Железки дорогу я знал, она тянулась вдоль бесконечных заборов, которые размыкались только на перекрестках или небольших площадях с магазинами. Этот однообразный пейзаж сейчас практически неразличим, так как фонари кое-как освещают только дорожное покрытие, а стоящие за строем деревьев заборы и спящие за ними дома тонут в темноте. От наконец наступившей тишины в салоне я даже почувствовал облегчение. Однако скоро и город уже пойдет. Надо было будить женщину, кто её знает, может, ей в самом начале его выходить, а может, в другом конце, Железка-то длинная, накрутишь лишнего.

– Антонина, – негромко позвал я, стараясь не напугать её.

Ответом было молчание, если молчанием можно назвать однообразное подхрюкивание носом в такт тяжёлому дыханию.

– Антонина! – громко произнёс я, глядя в зеркало заднего вида.

– А? Чо? – встрепелась женщина. – Мы где это? Ты кто?

– Вам куда надо? Подъезжаем к Железке.

– А-а... Сейчас... – Она осматривалась по сторонам, ещё не придя в себя со сна. – Едем пока. Так. Раз... Два... Три... На четвёртом светофоре поворачивай направо и дуй прямо до конца, я там подскажу.

– Хорошо, – краем глаза я увидел, что она посчитала свою миссию выполненной и снова примостила голову на спинку сиденья, закрыв глаза и раскрыв рот.

На четвёртом светофоре я повернул и понял, что до этого мы летели по ярко освещённому европейскому хайвею. Теперь горящие фонари попадались лишь изредка, как одинокие зубы в старческом рту. В провалах темноты приходилось напрягать глаза, а под колёсами то и дело попадались то хищные ямы, то плавные провалы. Фары моей допотопной «шестёрки» помогали мало. Я полз как улитка, поглядывая изредка на Антонину, голова которой в такт проезжаемым колдобинам раскатывалась по спинке. Вдруг этот раздолбанный участок кончился, и я на радостях поддал газу. И тут же машина подпрыгнула, наскочив на «лежачего полицейского». Что это был именно он, я понял, увидев метров через тридцать в освещённом прогале его брата-близнеца. Антонина заворочалась сзади, чего-то невнятно бормоча. Я воспользовался моментом:

– Нам далеко ещё?

Она тяжело вздохнула.

– Ты едь, едь. У тебя закурить есть?

Я сбавил скорость. Раскрытая пачка лежала в одной из выемок монетоприёмника. Вытащив двумя пальцами сигарету, я поднял её над плечом. Антонина защёлкала зажигалкой, и вскоре меня обдало струёй дыма. Я поёжился. Вот вроде сам курю, а табачного дыма не люблю. Хотя иногда, если давно не курил и вдруг пахнёт им, он неожиданно покажется сладким и притягательным. Ну, прям дым от чества. Я понял, что мне самому очень хочется закурить. Но дымить с ней на пару было не в кайф. Хотелось уже высадить эту Антонину и спокойно затянуться с чувством, с толком, с расстановкой.

– Ехать-то ещё далеко?

– Да почти приехали. Как в лес упрёшься, так налево.

Эта странная ориентировка вскоре стала понятна. Через несколько минут мы оказались на Т-образном перекрёстке. Прямо по курсу сплошной стеной вставал лес, а направо и налево стояли современные многоэтажки. И уличное освещение тут работало на полную катушку. Мне даже понравился этот свеженький район с нормальным дорожным покрытием. Свернув, я нажал на педаль газа.

– Ты не гони, не гони, – слышался сзади бодрый голос Антонины. – Вон видишь остановка, у неё тормози.

Совсем проснулась, чертовка. Слава богу, наконец-то приехали. Ведь от пьяных пассажиров никогда не знаешь чего ждать. Я остановился у лёгкого стеклянного сооружения и обернулся.

– Сколько я тебе должна, Василий? – вдруг спросила женщина. Смотри-ка, даже имя вспомнила.

– Ничего. Ваши друзья уже расплатились.

– Какие друзья?

– Ну дочь с мужем. В Москве.

– А-а... – Она явно уже про них забыла. – А я тебе ещё дам. Обходительный ты.

Знала бы она, как я её костерил про себя. Но от лишних денег кто же откажется...

– Спасибо.

Она завозила в своей дамской сумочке, перебирая какие-то женские премудрости, и наконец извлекла кошелёк. Однако он оказался пустым. Она пошарила в нём, перевернула и потрясла над сумкой. Потом полезла по карманам своей кожаной куртки. Мне это стало надоедать.

– Вы не переживайте, деньги мне за вас отдали. – Я вылез из машины, обошёл её и открыл заднюю дверцу, чтобы ускорить процесс.

И это оказалось верным решением, не только потому, что она всё-таки заёрзала в сторону выхода, но и потому, что при её комплекции самостоятельно выйти из салона ей было затруднительно. Я подал руку и чуть не присел, так грузно она опёрлась на неё. Но главное было сделано – женщина стояла рядом, а я себя ощущал как вышедший на свободу с чистой совестью.

– Василий, ты не бойся, деньги будут. Запиши мой телефон.

Уж не клеится ли она ко мне таким образом, вдруг мелькнуло у меня в мозгу. А ведь мы с ней, похоже, приблизительно ровесники. Никак не могу привыкнуть, что я уже старый хрыч по общечеловеческим меркам. Меня передёрнуло при мысли оказаться с ней в постели.

– Я запомню, Антонина, – как можно почтительнее сказал я.

Она посмотрела на меня, будто поняв, что ждать от меня нечего, но всё же быстро произнесла набор цифр и, вдруг сказав:

– Так ссать хочу! – бросилась опрометью через дорогу. Я ещё не пришёл в себя от этого шокирующего откровения, как в следующее мгновение у меня ухнуло вниз сердце. Женщина летела прямо под колёса несущегося по противоположной стороне шоссе автобуса. Я хотел закричать и не смог, у меня перехватило горло. Автобус с ярко освещёнными окнами, явно не рейсовый, а какой-то вахтовый, просвистел, не тормозя, мимо, и в моём воспалённом мозгу уже была готова открыться апокалиптическая картина частного характера.

И вдруг я увидел не распластанное на асфальте тело, а спину как-то легко бегущей Антонины. Этот её бег показался мне даже грациозным. Как же она проскочила? Всё-таки не зря говорят, что пьяным везет! А водила автобуса до сих пор, наверное, в себя прийти не может – что за ведьма на метле пролетела перед его носом? Я и сам в момент почувствовал, как обмякло моё тело и вдруг заломило в затылке. Проводив взглядом удаляющуюся фигуру, я обошёл «шестёрку» и опустился в своё водительское кресло. Теперь точно надо закурить.

Я с наслаждением вдыхал табачный дым, думая, что надо проверить, не оставила ли она мне ещё окурков сзади. Не спеша докурив, я выбрался из салона и, включив верхний свет,

внимательно осмотрел сиденье и пол. Ещё один вдавленный в коврик бычок и налёт расплывённого пепла. Взяв тряпку и щётку из багажника, я отчистил машину от скверны, и совсем повеселевший, развернулся в обратный путь. До Носовихи дорога показалась мне гораздо короче. Сворачивая на Москву, я вспомнил, сколько раз я по этому шоссе мотался в противоположную от столицы сторону – в небольшой городок со странным, я бы даже сказал страшным, названием Бездна.

Однако ничего страшного в этом провинциальном городишке не наблюдалось. Наоборот, он даже нравился мне. Но не своей незатейливостью, а тем, что жила в нём на улице Праздничной – прочувствуйте, какое название! – одна девушка... Хотя какая девушка – женщина, это когда-то она была миловидной и чрезвычайно стройной девушкой. А с годами превратилась для меня в существо, в отношении с которым я всё никак не мог определиться и которое в сердцах называл «поблинушкой из Бездны».

Поблинушка из Бездны

Поблинушки бывают разные. Эту звали Ангелина. Имячко такое ей папа дал. Очень уж он её любил. Долгожданный единственный ребенок – пятнадцать лет ждали, не получалось всё. А тут наконец... Он её «Ангел мой» звал. Ангелина маленькой даже думала, что «Ангелмой» это и есть её имя. А мама Линой называла. В детстве вообще Линушкой звала, с ударением на «у», как-то по-деревенски. Лина этого стеснялась. Но перед мальчишками никакого стеснения не показывала. Она в детстве и сама была как мальчишка, наравне с ними лазая по заборам или убегая со всей ватагой на железную дорогу подцепляться за железные скобы к товарным вагонам, когда им после отстоя на запасных путях давали зелёный свет и они, с дрожью тяжело стронутые с места далёким тепловозом, медленно, но верно набирали скорость.

Тут главное было вовремя спрыгнуть, пока щебёнка внизу под ногами не становилась сплошной и ровной серой массой, в которой почему-то нестрашно казалось оказаться, а впереди быстро наплывали пристанционные здания с бегущим и машущим свёрнутым флажком, как дубинкой, мужиком в чёрной железнодорожной форме. И спрыгнуть надо было именно вперёд по ходу поезда, иначе тебя опрокидывало навзничь и ты здорово прикладывался о жёсткую придорожную землю. А то ещё и крутило тебя по ней, рвя одежду и оставляя глубокие и большие царапины на коже. И потом ещё надо было что-нибудь придумывать о том, как они были заработаны, родителям.

Они жили на окраине города в деревенском доме, в так называемом частном секторе. Это спустя много лет её родители получили маленькую квартирку неподалёку в строящемся новом микрорайоне, а тогда их скромная деревянная изба стояла в ряду других таких же на берегу небольшой речушки Болхонки. Прямо перед заборчиками, отделявшими возделанные сотки, проходила грунтовая дорога, по которой летом изредка пылили машины. Дороги за забором было не видно, а открывалась из их окна сразу луговина с сочной зеленью, над которой как картина стоял восхитительный вид на далёкие поля и пере лески. У Лины всегда как-то по-особенному сладко ныло сердце, когда она не отрываясь подолгу смотрела вдаль, сидя у окошка.

Обрывалась луговина крутым склоном, местами изрезанным сбегавшими к речке овражками. Резкий уклон у самой воды сменялся узкой полоской жёлтого речного песка. Этот песочек прямо звал тех, кто смотрел на него сверху, – валяйте сюда повалиться. Но местной ребятне, чтобы искупаться, приходилось топтать метров двести вниз по течению, а потом возвращаться понизу вдоль склона под родительский присмотр. Взрослые хоть так, но пытались контролировать ситуацию. Для тех, у кого родители были в это время на работе, находились бабушки, безработные тётушки или соседи. А купаться тут было безопасно, так как Болхонка на этом прямом участке была совсем мелководной. Сколько же безмерно длинных счастливых летних дней провела у тихой воды Ангелина в вечной компании таких же полудеревенских пацанят и девчонок!..

Крутые склоны берега, которые летом казались неприступной стеной крепости, зимой предоставляли для подрастающего поколения самую большую радость. Обычно разношёрстно одетая ватага мелкоты от шести до двенадцати лет толпилась с санками у обрыва, подначивая друг друга и набираясь куражу. Наконец кто-то из тех, кто постарше, решался и подходил к самому краю склона, ставя санки так, что их изогнутые полозья нависали над пропастью. Он садился на деревянные досочки, а затем оглядывался на обступившую его вдруг притихшую на миг толпу. Теперь, чтобы ухнуть вниз, оставалось только упереться ногами в передок саней и, нагнувшись, переместить центр тяжести. Но душа требовала «высказаться» не меньше, чем напряжённое в ожидании тело.

Большинство неосознанно вспоминало знаменитое гагаринское «Поехали!», открывшее человеческий космос. Но некоторые, так и не найдя подходящего слова, вдруг просто взвиз-

гивали и с криком «А-а!» резко подавались вперёд. Вниз ухали не только санки, но и сердца всех наблюдающих, не говоря уже о том, кто летел сейчас в пропасть по, казалось, вертикальной стене. Он почти вытягивался в струнку, не ощущая ногами передок саней, но это длилось лишь мгновение. Не успев даже прочувствовать прелесть свободного падения, человечек вдруг упирался валенками в переднюю планку санок и вжимался в лёгонькую санную конструкцию. И тут надо было успеть сгруппироваться и сесть вертикально. Вновь обретенная гравитация означала, что стена склона перешла в пологость берега. Но скорость была набрана такая, что санки пролетали, скользя по льду, неширокую речушку и далеко не сразу останавливались, въезжая на противоположный пологий бережок.

Все маленькие человечки, следящие сверху с остановившимся сердцем за этим действием, выдыхали спёртый в лёгких воздух и бросались к проторенной санной тропе. И нередко первой, а по факту второй у края обрыва оказывалась Лина. Она быстро ставила санки на край, прыгала на них и, не оглядываясь, тут же проваливалась в бездну. Этого бешеного восторга полёта ей не забыть никогда! А вскоре первой, маленькая и юркая, она стала и по факту, обгоняя по своим бойцовским качествам всех увальней-мальчишек.

Конечно, эта забава осталась самым ярким воспоминанием из её раннего детства. Но и она, и лазание по заборам и железнодорожным путям однажды летом вдруг показались ей совершенно неинтересными и далёкими. Случилось это на речке, где они бегали опять всей толпой, когда она заметила взгляд соседского мальчишки Саньки, ссылаемого московскими родителями на летние каникулы из столицы в деревню к бабушке, на её грудь. Вернее, она тогда и понятия не имела о том, что такое женская грудь, хотя, конечно, видела её у взрослых тётъ. И ходила купаться до двенадцати лет в одних белых трусиках, в то время как все её ровесницы уже давно носили цветные купальники с верхом, под которыми ничего ещё не скрывалось.

А у неё уже наметились полукружия вокруг сосков, которые и заставили оцепенеть взгляд Саньки. Он был постарше Лины на пару лет. Длинный и молчаливый, он казался ей смешным, потому что все знакомые ей москвичи были бойкими на язык, а этот только вздыхал и мямлил что-то несусветное из книжек, которые всегда были у него под рукой. Тогда его взгляд что-то перевернул в её душе. И на следующий день она, упросив маму на непредвиденные траты, уже щеголяла в новеньком розовом купальнике с отдельным верхом.

Она вдруг стала различать, что мальчики и девочки – это совсем разные люди. И что интереснее ей, кажется, с мальчиками, но не так как раньше, сорванцами, а совсем по-другому. Как это по-другому, она ещё не определилась, но уже твёрдо знала, что и тут будет первой. Нет, девчонок в подругах у неё было тоже полно, они вечно собирались то у одной, то у другой и чесали языки по поводу этих глупых мальчишек. Но сами мальчишки хороводились теперь вокруг Ангелины, а она, оставаясь неприступной, приближала к себе то одного, то другого, дирижируя этим нестройным хором.

Всё это Лина позже рассказывала мне с живым юмором, который, похоже, приобрела взамен бойцовских качеств подросткового периода. Я даже сейчас хмыкнул смехом, вспоминая её ядрёные словечки или целые выражения. Но тут моё внимание привлекли две женские фигуры под расплывчатым светом дорожного фонаря, одна из которых как бы нехотя обозначала рукой, что она ловит машину. Повезло, в Железку почти за пятихатку съездил и на обратном пути клиенты образовались. Я тормознул у сладкой парочки.

– В Москву, девушки?

– А это как получится, молодой человек.

Я, ещё не успев понять, что это значит, влекомый проклятым мужским инстинктом, согласно кивнул:

– Садитесь.

Одна из них тут же запрыгнула на переднее сиденье, а вторая, открыв и придерживав заднюю дверцу, крикнула:

– Мальчики!

Из зафонарной тьмы выступили ещё две фигуры. И я понял, что попал. Да это не то слово! У меня аж яйца заныли от недоброго предчувствия. Действительно – в паху что-то как бы сдавило. Давно уже ходили слухи, что в Подмосковье орудует банда с женщинами, которые по ночам останавливают частников или таксистов, а потом их тела находят в придорожном лесу, а их машины, как правило, не находят совсем. Мне показалось, что фигуры как-то сразу оказались возле автомобиля.

Назвать этих бандитов шкафами можно было абсолютно без преувеличения. Возраст их было трудно определить, но они были явно помоложе меня. Видимо, страх на моем полуобёрнутом к ним лице обозначился так ясно, что один из шкафов от души расхохотался. Вторая девушка уже заняла место посредине салона, и хохотун уселся рядом с ней, а его напарник обошёл машину и сел позади меня. «Душить будет», – панически мелькнуло в моём мозгу. Старенькие амортизаторы не удержали такого веса, и задние колёсные арки просели до самых протекторов. Я просто почувствовал это пятой точкой. Стараясь говорить без дрожи в голосе, я произнёс:

– Ребята, извините, машина не поедет, мы сидим на покрышках.

– На каких ещё покрышках – я на сиденье сижу, – удивилась девушка, что занимала пассажирское место рядом со мной. Но шкафы поняли, в чём дело, сразу, видимо, не первый раз такое происходило.

– Валюш, а ты пересядь-ка к Людмилке, – предложил хохотун и вылез из салона. Помнявшись местами с подругой, он оказался рядом со мной. Он всё ещё ухмылялся, глядя на меня, и вдруг сказал:

– Не ссы, мы сегодня не работаем, у нас сегодня выходной, – и вновь коротко рассмеялся. Я понял, что убивать меня будут не сейчас. Но сказать, что мне стало от этого много легче, я не могу.

– Куда ехать? – безнадёжно спросил я.

– Да езжай вперёд, – ухмыльнулся хохотун. – А там разберёмся.

Я собрался с силами и осторожно тронул машину. Ехать пришлось медленно, так как на каждой выбоине, когда автомобиль просаживался, слышалось и ощущалось трение колёсной арки о протекторы. Задний шкаф ткнул меня в плечо:

– Ну ты чего плетёшься?

Однако хохотун, полуобернувшись, осадил его.

– Андрюха, мы катаемся, дыши себе спокойно, – он заметил мои самодельные визитки в монетоприёмнике и вытащил одну. – Так, Алексей, значит? Алексей, Алёшенька, сынок... Что, Лёша, боишься нас? – Он опять хохотнул и засунул визитку себе в карман кожаного пиджака.

Я боялся до оцепенения. Но тут меня что-то торкнуло, и я героически произнёс:

– Устал уже бояться. Не первый день извозом занимаюсь.

И тут меня, видимо – от безнадёжности, действительно отпустило. То ли это было заметно, то ли мужику понравился мой ответ, но он вновь коротко хохотнул и шлёпнул меня огромной своей лапицей по незащищённому плечу:

– Молоток, братан! Меня Димон зовут, хотя ребята Демоном кличут. Ты не дрейфь, считай, пока ты нас везёшь – тебе везёт.

Философ, блин! Но главное – я действительно успокоился и даже перестал воспринимать своих опасных клиентов как что-то угрожающее. Я уже автоматически выполнял их указания, когда они говорили, куда свернуть, и заезжал в какие-то тёмные во всех смыслах углы – угрюмые деревни с коттеджами за высокими заборами или старенькие подмосковные дворы с кое-где освещёнными окнами облупленных двух- или трёхэтажек. Мужики выходили, то один, то другой, то оба сразу, оставляя женщин одних со мной. При первой такой остановке я очень

напрягся, не зная, чего ждать, но потом пообвыкся и даже чего-то пытался шутить, когда оставался наедине с подругами моих бандюганов.

Уже под утро, когда небо из чёрного стало синеватым, мы пересекли МКАД с его гаишным постом, который в эту пору казался вымершим. Я уже совсем успокоился: в Москве они вряд ли будут меня убивать, а на потерянные время и деньги я старался смотреть философски. Жизнь дала мне ещё одну возможность познать себя и мир. Как подсказывает моё философское образование, всё в мире возможно. Возможна жизнь. Возможна смерть. Сегодня я был близок к любой из этих возможностей. И сейчас согласно теории экзистенциализма – обретаю свободу. Кстати, в моей ситуации – во всех смыслах. Это, конечно, не совсем точное толкование экзистенциализма...

Да что тут говорить. Ища точное толкование, нередко почему-то оказываешься близок к вопросу о познаваемости мира. А я скорее агностик. Не то чтобы мир непознаваем. Куда ж денешь практически ежедневные научные открытия? Просто каждое, пусть даже маленькое открытие, привнесённое в мир, вновь изменяет природу мира в целом, то есть он опять уже не познан, хотя и познаваем. Это, конечно, только один из факторов, но в целом человек бежит за знанием, как собака за собственным хвостом. И так будет, пока человек старается познать жизнь вокруг себя, то есть всегда, покуда он, человек, существует.

Вот даже какие умные мысли начали приходить мне в голову, когда мы подъехали к одной многоэтажке где-то в районе Новогиреева. Демон уже не ухмылялся, его взгляд стал жёстким и цепким, то ли он устал, то ли это было его обычным состоянием, и я вновь почувствовал, что ребята эти очень непростые и мне повезёт, если моя ночная поездка останется без последствий. Когда я остановился возле указанного подъезда, Демон повернулся ко мне:

– Ну что, Алексей, Алёшенька, сынок, мы славно поработали и славно отдохнём? Держи. – Он протянул мне несколько купюр. Я кивнул, обернувшись к нему, и молча, не глядя, взял деньги. Даже спасибо не сказал, язык почему-то не повернулся. А Демон, пронзительно глядя мне в глаза, тихо произнёс:

– Ты нас не забывай, Лёша, и мы тебя не забудем, – и, отвернувшись, быстро открыл дверцу и вышел. Вот уж кого бы мне хотелось побыстрее забыть, как страшный сон! Вся его компания наконец покинула салон и вошла в двери подъезда. Оставшись в непривычном одиночестве, я тронул машину и, заехав за угол, остановился. Сил не было. Моральных. И физические кончились. Надо было отдышаться. Я посмотрел на купюры. Он дал мне три тысячи. Неожиданная удача. Но удача ли? Кто я теперь? Ни о чём не ведающий бомбила или сообщник бандюганов?

Решение этого вопроса я решил оставить на далёкое «потом». Домой, домой! Отсыпаться после тяжёлого трудового дня, нет, бог ты мой, какого дня – ночи, конечно же ночи! Наконец я начинал чувствовать действительное облегчение после душевного оцепенения, вызванного длительным чувством подавленности и страха. Как ни банально это звучит, но... сердце радостно запело в ожидании свободы! Да, сейчас каждая банальность воспринималась как откровение. Откровение начинающегося утра, откровение зарождающегося дня... Тыфу ты, чёрт, Остапа понесло!.. Домой, домой!

До дома я доскочил быстро. На улицах было пустынно, светофоры мигали жёлтым, давая возможность не тормозить без нужды. Магазины были ещё закрыты, но дома в холодильнике меня ждала варёная картошка и кусок колбасы, приобретённой с неделю назад и чередуемой с рыбными консервами. Так что закусить чем было, а уж о ста боевых граммах я всегда заботился заранее. Я ж не запойный, и у меня всегда стоит несколько бутылок разных мастей на разных гостей. Лина вот любит выпить красного полусладкого винца, а я предпочитаю водочку. Ох, мы с ней сегодня и посидим, друг на друга поглядим.

Конечно, надеюсь, не только поглядим, но и полежим. Хотя с ней всё труднее о чём-нибудь конкретном стало договориться. Она вдруг в последний момент начала отменять

встречи, объясняя тем, что надо посидеть с внучкой Тани Вансовской, которой неожиданно необходимо отлучиться, или тем, что надо навестить подругу Галю (Валю, Свету), у которой непременно нужно переночевать, хотя эта подруга живёт в получасе ходьбы от меня, а я всегда готов за ней подскочить на машине. Я уже был на взводе, хотя виду не показывал.

Все шло нормально, пока однажды Лина с Вансовской не зазвали меня не так давно в гости на какое-то особенное французское блюдо из сыра, который надо было варить прямо в нашем присутствии. Лина тогда практически жила у Вансовской, оказавшись в её близких подругах. А ведь это я их познакомил, вернее, познакомились они несколько лет назад благодаря мне. Мы тогда с Линой жили вместе, и она помогала мне устраивать «философические» вечера в разных известных столичной публике местах. К примеру, в Центральном Доме литераторов или Доме дружбы народов, а то и просто в каком-нибудь подвальчике, гордо именуемом хозяйкой «литературным (или – бери выше – «интеллектуальным») салоном».

Тогда этих салонов расплодилось по Москве невероятное количество, а держали их именно хозяйки, а не хозяева. Потому что хозяева обычно содержали самих хозяек. И все эти хозяйки были исключительно одарённые женщины, писавшие стихи или, как минимум, игравшие на пианинах, а иногда и снисходившие даже до вульгарных, то бишь народных, гитар. Таланты их были настолько признаны всеми завсегдатаями этих мест, что сами хозяйки свято в них верили. Потому все были довольны друг другом, и вечера проходили весело и непринуждённо, с умеренным пьянством и лишь порой неумеренным апломбом выступающих.

Здесь каждый был волен выступить с тем, с чем ему хотелось. И я всю разглагольствовал на любимую мною тему – преломление экзистенциальных взглядов Сартра и Камю в их литературном творчестве. Лина, конечно, ничего в этом не понимала, да ей и не нужно было. У неё обнаружился свой талант – легко сходиться с людьми любой иерархической ступени и степени образованности. Именно поэтому я, совсем не умеющий улыбаться нужным людям, быстро понял, что договариваться о моих «философических» выступлениях лучше ей, чем мне.

Я тогда ещё работал в издательстве, публиковавшем дореволюционных и зарубежных философов, а также всю околофилософскую литературу, и варился во всём этом соку с удовольствием и практически безвозмездно. Именно это-то – хроническая нехватка денег – и натолкнуло меня на мысль выступать с платными лекциями о воззрениях разных интересных товарищей на мир и жизнь в нём. Однако всяческим Домам культуры, которые во времена оны такие лекции и устраивали, в постперестроечную пору это оказалось неинтересно. Так что оттачивать свои ораторские навыки мне пока приходилось вот по таким публичным местам.

Впрочем, это только мне казалось, что это всё «пока». На самом деле это оказалось «навсегда». Но именно в то самое время я и познакомился с Татьяной Вансовской, внучкой известного религиозного деятеля и дочкой не менее известного художника-мариниста. Дед её по нередкому в России совместительству был философом, на чём мы, естественно, и сошлись, оказавшись в каком-то салоне за одним столом. Лина тогда скромно сидела рядом со мной и не ввязывалась в наш разговор.

Мы с Вансовской должны были быть полезны друг другу: она хотела издать труды деда в нашем издательстве, а мне могла помочь с организацией моих выступлений в более серьёзных местах. Забегая вперёд, надо сказать, что ни я ей, ни она мне по не зависимым от нас причинам помочь так и не смогли, но дружеская привязанность у нас осталась. А вот Лина с Татьяной вскоре стали просто неразлучными подругами. Настолько, что, когда мы с Линой с неизбежным скандалом разбежались, Вансовская приютила её у себя и я на какое-то время перестал с ними общаться. Но когда отношения с Ангелиной у нас возобновились, они зазвали меня в гости на какое-то изысканное блюдо, о чём я уже начал рассказывать.

Французское сырное блюдо, честно говоря, меня не восхитило, хотя посидели мы неплохо. Я взял бутылку хорошего вина, и мы как истинные аристократы продегустировали и

то, и это, стараясь говорить друг другу только приятные вещи. Но в самом конце наших посиделок меня неприятно кольнуло, когда я с Линой договаривался о следующем её приезде ко мне, а Таня вдруг сказала ей: «Не забудь про четверг». Я, чтобы показать, что я это заметил, но не придаю этому значения, тут же попытался пошутить: «О, у тебя свидание? И как он?» Лина ответила в том же тоне: «О, он исключительно хорош!»

И шутки не получилось. У меня стало тягостно на сердце, но виду я всё-таки не подавал и продолжал нести какую-то чушь. И хотя вроде бы смехом всё и рассосалось, но Лина всё-таки исключила четверг, не объясняя мне – почему. Отговорилась то ли шуткой, то ли вообще промолчала, «не заметив вопроса». Уходя, я подумал, что она всё больше стала напоминать мне двух подруг, которых я про себя окрестил «подольскими невестами».

Подольские невесты

Невесты бывают разные. Особенно интересными экземплярами мне показались две невесты из Подольска. Парочка эта собственно состояла из двух подруг. Но познакомился я с ними не одновременно, а по одной. Вернее, я познакомился сначала с одной, а потом эта одна познакомилась со второй. Такое извилистое изложение сути, наверное, отражает сложность моего знакомства с ними. Тут придётся начать издалека.

Это было как раз в те времена, когда мы с Ангелиной разорвали отношения друг с другом, позапрошлой зимой, и я изнывал от избытка сексуальной энергии. Я тогда ещё работал, как я говорил, в издательстве, но по причине безденежья уже подрабатывал временами извозом. И вот я как-то вёз в ближайшее Подмоскovie девушку с гитарой в чехле, бардессу, так сказать. А к девушкам с гитарами я очень неравнодушен. Хотя, собственно, и без гитар тоже. Короче, я всю пытался клеиться к ней, как обычно, поря всякую чушь, зная по опыту, что именно на чушь они почему-то и падки, причем даже самые умные. Главное в этом деле – вызвать у неё улыбку, а уж если дело дошло до смеха, то, считай, можно ждать более интимного продолжения знакомства.

В этот раз бардесса, которую, как оказалось, звали Лилиана Дроздова, мило улыбалась на мою чушь, но до смеха дело не доходило. Я извивался перед ней, как мог, лепя, например, вопросы типа, а не родственница ли она известному телевизионному животному Николаю Николаевичу Дроздову. Нет? А ведь как похожи! Да нет, не лицом, конечно, а по доброму темпераменту, по любви к животным, ведь вы любите животных? Терпеть не можете? Вот как... Ну да, для вас главное животное – это гитара, она, наверное, занимает всё время, когда уж тут выгуливать собаку или думать о корме для черепахи...

В общем, ничего её не брало, и дальше шапочного знакомства рассчитывать было не на что. Уже стемнело, мороз был небольшой, пробок не предвиделось, и я прикидывал, что через час-полтора буду дома. И вдруг, когда мы подъехали к какому-то внушительному, с колоннами, в общем старой постройки Дому культуры в одном из подмосковных городишек, Лилиана пригласила меня на своё выступление, которое должно было состояться вот прямо сейчас и прямо здесь, причём совершенно бесплатно. Как она объяснила, эта творческая встреча является презентацией её нового альбома. Конечно, я согласился и деньги с неё отказался брать, хотя она и протягивала оговорённую сумму. Лилиана в дублёнке с гитарой за плечом скрылась за высокими деревянными дверями, а я стал парковать свою облупленную шестёрку в дальнем углу расчищенной околокультурной площади.

Когда я распахнул тяжёлые двери обители местной интеллектуальной публики, Лилиана в длинном, светло-зелёном, я так понимаю, вечернем или концертном платье уже стояла в фойе, встречая входящих, рядом с каким-то мужчиной в чёрном, так и хочется сказать, смокинге. Хочется, потому что я до сих пор так и не знаю, чем отличается смокинг от обычного нормального мужского костюма, и моё философское образование и знание произведений Камю и Сартра тут ничем не помогает. Короче, костюм казался шикарным и несло от него иностранщиной, отчего, видимо, и пришло мне на ум слово «смокинг». Но и мужик был под стать костюму. В чёрной и ухоженной бороде, с галстуком-бабочкой и широкой улыбкой, открывавшей безукоризненной работы белые ровные зубы.

Я оказался прямо напротив них, и Лилиана улыбнулась мне: «Познакомьтесь, Алексей, мой муж Михаил. Миша, это Алексей, любитель авторской песни и домашних животных, который любезно подвёз меня из Москвы». Муж ещё шире раздвинул свои губы, что уже казалось невозможным, а я, как можно церемоннее, раскланялся с ним. Теперь хотя бы стало понятно, почему она не шла на более короткий контакт. За мной уже входили вновь прибывшие, и внимание семейной пары переключилось на них, а я прошёл дальше. Здесь тоже присутствовали

колонны, которые и разделяли фойе на две части: одну – для входящих зрителей, с гардеробом, скамьями и зеркалами, и вторую – со столиками и небольшой эстрадкой, на которой уже был установлен микрофон.

Меж колоннами были развешаны разноцветные шары, что придавало праздничность предстоящему мероприятию. За круглыми столиками, посреди каждого из которых стоял горящий светильник в виде вазочки, отчего в полутёмном зальчике сразу веяло каким-то ненавязчивым уютом, уже рассаживалась пуб лика. Я стоял, высматривая столик с какой-нибудь одинокой дамой бальзаковского возраста. Кстати, бальзаковский возраст, могу сказать как относительно неплохой знаток французской литературы, это совсем не пенсионный, как принято думать у нас, а возраст женщины немного за тридцать, то есть опять же по нашим меркам, совсем молоденькой. Хотя, как я стал с некоторых пор понимать, и женщин бальзаковского возраста я уже перестаю привлекать. Увы и ах...

Свободных столиков не осталось, везде сидели по трое-четверо, и лишь один занимала одинокая девушка в белом вязаном платье. Я почему-то совсем не переношу одежду крупной вязки, а с мелкой мирюсь с трудом. Но что тут было делать... Я подошёл и склонился в полупоклоне-полувопросе: «Вы позволите?» Она подняла ко мне голову и несколько секунд молча смотрела на меня снизу вверх, потом без выражения сказала: «Не занято». Пока она медлила с ответом, я хорошо её рассмотрел, спасибо светильнику на столе. Девушка была, говоря на булгаковский лад, явно второй свежести. Ответ её меня почему-то неприятно задел, и я присел за столик с мыслью её тоже чем-нибудь зацепить. Но для этого сначала надо было расположить её к себе. И я нацепил маску простака, начав расспрашивать её обо всём происходящем, так как я, мол, здесь первый раз и ни с кем не знаком.

Она отвечала, по своему обыкновению, не сразу и достаточно односложно и отстранённо, но постепенно я узнал, что живёт она в Подольске, где изредка выступает Лилиана, что её песни ей очень нравятся и она даже входит во что-то вроде фанского клуба бардессы Дроздовой и иногда даже выезжает на её концерты по области. Что случилось и сегодня. Она и с самой Лилианой знакома, говорила вязаная девушка, вертя в руках высокий и узкий бокал с пузырящимся напитком. «Что это у вас за шипучка?» – спросил я Татьяну: первым делом я сам назвал и спросил, как её звать-величать. «Это шампанское! – неожиданно оживилась она. – Вон оно стоит на столике для всех. А вон рядом, видите, в коробке диски Лилианы, их тоже можно взять бесплатно, чтобы потом подойти за автографом».

В стороне стояли два рабочих столика: на одном покоилась коробка с компакт-дисками, другой был уставлен бокалами на подносе, рядом с которым стояли бутылки шампанских вин. Открывал их и разливал вино, которое сразу расхватывали страждущие, молодой человек в каком-то официантском фартучке. Я поднялся и пошёл за диском. Тут у микрофона на эстрадке появилась дородная дама и стала громким голосом говорить о Лилиане Дроздовой, какой это замечательный и талантливый человек.

Оказалось, что дама представляет местную администрацию, с которой Дроздова по неизвестной мне причине оказалась на короткой ноге. Зато это объясняло, почему для презентации альбома ей предоставили достаточно большой, а по местным меркам, наверное, самый крутой Дом культуры. Я взял из стопки диск с яркой обложкой, где красовалась Лилиана с гитарой. Взять, что ли, и шампанского? Я, конечно, за рулём стараюсь не пить, но сегодня, похоже, тут меня ожидает скука смертная, так что развлекать себя мне придётся самому. Я сунул диск под мышку, подхватил два бокала и направился к своей вязаной подруге. Представление бардессы Дроздовой окончилось, и на сцену вышла она сама.

Когда она запела, я, что-то пытающийся втюхать своей соседке по столику, примолк, причём не только из вежливости. У Лилианы оказался негромкий, но очень приятный голос, аккомпанемент был достаточно грамотным, а тексты песен хоть и незамысловатыми, но очень доходчивыми. Какое-то время я слушал с удовольствием, но на третьей или четвертой песне

понял, что ничего нового ждать не приходится, и внимание моё стало рассеиваться. Похоже, всё же выше районного Дома культуры бардессе Дроздовой не подняться. Хотя жаль, девчонка красивая, на сцене смотрится хорошо. Конечно, не девчонка уже далеко, но всё же... Ну, хоть с мужем ей повезло.

И тут на сцену стали выходить совсем молодые ребята, вынося с собой гитары и пианолу на ножках. Оказалось, что песни Дроздовой поёт какая-то местная группа, которую раньше назвали бы вокально-инструментальным ансамблем. В оранжировке её песни зазвучали опять по-новому, как-то даже танцевально, и сама Лилиана вдруг предложила не стесняться и выходить танцевать всем, кому этого захочется. Я за время её предыдущего выступления уже несколько раз сходил за шампанским, и теперь вполне был готов пригласить свою вязаную соседку на танец. Она тоже стала гораздо оживлённее реагировать на мои вопросы и сразу согласилась на моё предложение, тем более что перед эстрадкой уже топталось несколько пар. Я уже забыл о своём намерении подколоть её и думал, как бы проворнее уговорить её ехать ко мне.

Под медленную мелодию я хотел прижать её к себе, но она упёрлась мне в грудь руками, оставляя нас, как говорили во времена моей молодости, на пионерском расстоянии. «Похоже, мама вас воспитала в строгости», – попытался легко съязвить я. «Моя мама недавно умерла, – вдруг сказала она. – Сегодня девять дней». Я поперхнулся следующим весёлым комментарием и промолчал. Не зря мне не нравятся люди в вязаной одежде... В девять дней, в которые надо прощаться с ушедшим, в этот траурный день... А тут на концерте и в белом вязаном платье... Я даже не мог себя заставить спросить, почему же она не в трауре, почему не за поминальным столом?

Я, конечно, всегда оставляю людям возможность быть самими собой, но не до такой же степени. Мысль затащить её в постель я, естественно, оставил. Не потому, что момент не тот: в таком состоянии многие легче идут на контакт, а я достаточно циничен, чтобы воспользоваться этим. Просто от подруги с такими тараканами в голове можно ожидать чего угодно, а мне дури, как говорится, собственной хватает. Когда я оказываюсь в ситуации, которая требует проявления, что называется, высоких чувств, я могу защищаться только стёбом, проявляя их. И я готов обстебать всё что угодно – кроме смерти. Смерть – это, пожалуй, единственное, к чему я отношусь с молчаливым уважением. С уважением, которое, наверное, рождает страх, чего тут скрывать.

В общем, я засобирался в Москву, не дожидаясь окончания благородного собрания, и предложил Татьяне – не мог всё-таки не предложить – подвезти её. Оказалось, что ей проще и быстрее доехать по железнодорожной ветке, на которой стоит этот подмосковный городок, до Курского вокзала, а потом с Курского же в Подольск. Тогда я вызвался добросить её до станции. В машине она показывала мне дорогу, и лишь прощаясь, уже у станции вдруг спросила: «Вы мне позвоните, Алексей?» Я, конечно, сказал, что сам хотел просить у неё телефон, и забил её номер в свой мобильник. Звонить я не собирался, так как знал по опыту, что от общения с такими людьми больше нерво трёпки, чем удовольствия. Что впоследствии и подтвердилось. Но об этом позже.

Вот этот тезис о превалировании нерво трёпки над удовольствием всё больше теперь подтверждала моя незабвенная Ангелина. Что и дало мне повод их сравнивать. Потому как приняв заслуженные сто грамм после общения с любезными бандюганами, а потом добавив в виде премии ещё столько же, я тут же завалился в кровать отсыпаться, а проснувшись к обеду, вспомнил, что на сегодняшний вечер у меня существует мирный договор с Линой о встрече в тёплой дружественной обстановке. Надо было звонить. Я набрал номер. Она взяла трубку после долгих гудков и тут же сказала, что сейчас, во время обеда, бегаёт по магазинам с подругами и перезвонит мне. И не перезвонила ни через час, ни через два, ни через три.

Через эти три часа я, переделав какие мог домашние дела, уже кипел от злости. Но сам звонить не хотел – не то что гордость не позволяла, просто это был уже какой-то затык психологический. Сходил купил помидоров-огурцов к столу, каких-то фруктов для неё и всё же набрал эсэмэску: «Тебя ждать?» В ответ была тишина. Через четыре часа, когда я уже плюнул на всё, включая её беспринципную любовь, Лина ответила: «Да, конечно, только не сегодня, на работе засада и у начальника юбилей». Я тут же спросил эсэмэской: «Ты и ночевать собираешься на работе?» Она ответила через несколько минут: «Нет, но вечер не свободен». Меня хватило только на одно слово: «Понял», в которое я вложил всю злость и горечь.

Естественно, в голове носились обидные мысли: «Так занят вечер, что переночевать приехать не может. Хотя какая ей разница, ехать ко мне или к Вансовской. Если, конечно, к ней». Уже давно у меня были сомнения, что Лина милуется только со мной. Пару недель назад она приехала, провела ночь со мной, целый день мы были вместе и она помогала мне по хозяйству, а вечером попросила довести её до подруги в Новогиреево. Прощаясь в машине, вдруг сказала, не объясняя: «Теперь мы увидимся через две недели». Эти безапелляционные заявления уже выводили меня из себя. Я не стал спрашивать ни о чём, просто затаил злую обиду, мечтая, как придёт время и я ей скажу: «Сегодня у меня вечер не свободен» или «Теперь мы увидимся через месяц». Вот до какого подросткового идиотизма нас доводят женщины. Кстати, эти две недели заканчивались как раз сегодня.

Когда мы с ней познакомились, она была совсем другой. Лёгкой, весёлой, в меру смешливой. Это был незабываемый год – 1980-й. Год московской Олимпиады и смерти Высоцкого. Не знаю, какое из этих событий более значимо для истории. Для меня-то, безусловно, смерть Высоцкого. Давно уже ходили слухи о том, что он на грани гибели, что он болен, что его доконают пьянство и наркотики, но в то же время было какое-то твёрдое убеждение, что он не может умереть, что он практически бессмертен, как бессмертны боги. А он и был богом. Для многих в Советском Союзе, да и за его пределами. И смерть его в отчищенной от всяческой скверны и грязи по случаю всемирного спортивного праздника и, казалось, малолюдной Москве была совершенно неожиданной и непредставимой.

Был напечатан всего один маленький, в несколько строк, некролог в одной из городских газет, но весть о его смерти разошлась мгновенно по всей стране, как мгновенно непостижимым образом расходились его песни. И ко дню похорон вся Москва, похоже, сосредоточилась в двух местах – вокруг его Театра на Таганке и на Ваганьковском кладбище, где его должны были похоронить. Были запружены народом все прилегающие улицы и переулки, люди висели на столбах, многие взбирались на крыши окрестных домов. В этом столпотворении было что-то булгаковское, от Воланда и его проказливой свиты. При всей траурности происходящего пахло какой-то тяжёлой, но праздничной мистификацией.

Вот такое непередаваемое ощущение владело мной в тот горячий июльский день. Я, на тот момент абитуриент философского факультета МГУ, вместе с несколькими ребятами с нашего двора, конечно, был у Ваганьковского. На подходах к кладбищу стояла плотная непроходимая толпа. Ввинтившись между спин, мы начали протискиваться вперёд и почти сразу потеряли друг друга. По неведомым мне причинам толпа иногда вдруг начинала колыхаться, производя внутренние перемещения, похожие временами на завихрения. В один из таких моментов меня куда-то утянуло и прижало грудь в грудь к маленькой девушке.

Я даже ощутил твёрдые соски сквозь тонкую материю её синей блузки и моей тёмносерой рубашки. Но поразило меня не это первое непредумышленное ощущение женского естества и то, что она не надела в такой день бюстгалтер, а огромные её голубые глаза, в которых, несмотря на тяжесть переживаемого события, пригнувшую всех немного к земле, выпрыгивали ко мне, как казалось, потому что она смотрела снизу вверх, весёлые бесенята, так не соответствующие переживаемому моменту. И тут меня вновь потянуло куда-то в сторону от неё.

Почти непроизвольно я схватил её за руку, и она подалась ко мне. Мы вместе в едином порыве дёрнулись куда-то поперёк толпы и оказались вдруг за её пределами.

В первое мгновение мы не знали, что сказать, и просто смотрели безотрывно друг на друга. Первой нарушила молчание, естественно, она, сказав: «Наверное, мы туда уже не провёмся». У меня в мозгу стояла фоном вся огромность переживаемого события, но даже она не заставила меня продолжить попытки пробраться ко входу или хотя бы к ограде Ваганьковского. Я ответил не задумываясь: «Да». И она продолжила: «Ну пойдём тогда в тень, я вся потная». Я подтвердил: «Да». И мы пошли, не знаю куда. И оказались в скверике, где на скамейках сидели спокойные люди, вроде бы даже и не знающие, что в нескольких сотнях метров от этого тихого уголка творится история. Нет, точнее, что этот день вскоре войдёт в людскую память, как одна из самых печальных дат российской истории. Но это впечатление всё же оказалось обманчивым.

Когда мы проходили мимо скамьи, где расположились трое немолодых, по моим тогдашним меркам, то есть лет за тридцать, мужчин, тихо распивающих пару бутылок, расположенных на газетке с какой-то закуской, один из них спросил нас: «Вы с Ваганьковского?» Как он догадался? «Ага, – тут же ответила Ангелина. – Там не прорваться, мы ушли». Я уже знал, как её зовут, потому что она сразу же, как только мы двинулись в сторону от толпы, сказала: «Меня зовут Ангелина. А хочешь, зови меня Ангел, а? Слабо? А тебя как?» Я назвал. И теперь по-другому я её про себя и звать не мог. Она и была для меня ангелом, хотя подспудно я уже понимал, что девушка не очень начитана и образованна, но это уже не имело никакого значения.

И на похороны Высоцкого она приехала из Подмосковья не потому, что не представляла своей жизни без его песен, как я, а оттого, что не могла пропустить такого мероприятия. Ведь о нём гудела уже не только Москва, но и Подмосковье. Она сама почти сразу рассказала мне об этом, но это тоже уже не имело никакого значения. Хотя позже я всё чаще стал задумываться, почему женщины так падки на энергетику толпы? «А мы Володю поминаем, – сказал тот же мужик. – Поднимете рюмку за его песни?» Я хотел отказаться, было неудобно, да и не люблю я незнакомых компаний. Но Ангелина уже согласилась: «Конечно, за Высоцкого нельзя не выпить, он же это дело любил». И я твёрдо сказал: «Да». Мы присели с мужиками, освободившими нам край скамьи.

Один из них тут же сбегал ещё за бутылкой и принёс какого-то сока для Ангелины. Рюмок никаких не было, были гранёные стаканы, но это не помешало никому. Лина разбавляла водку соком и пила понемногу, по капельке, да и мне мужики, как и себе, плескали понемногу. Я не мог оставить в стакане ничего – не хотелось выглядеть перед мужиками сосунком, да и за Высоцкого нельзя было не выпить. И я скоро захмелел.

Ребята – мужики уже казались мне симпатичными ребятами – захмелели ещё с прежнего, и разговор шёл всё задушевнее и задушевнее.

«Я б ему руку поцеловал, – говорил о Высоцком тот, который нас пригласил, Вадим. – А ты?» Я не успел ответить. «Да я бы ему ноги мыл», – загремел тихий до этого Дима, который бегал за водкой с соком. И эти мытые ноги, возникшие вдруг в моей голове, остались у меня в памяти до сих пор. А тогда Ангелина вовремя вспомнила, что ей нужно бежать на электричку, а мне проводить её. И мы побежали, и я её проводил.

А теперь она мне устраивает концерты с вывертом мозга не хуже той подольской невесты, о которой я уже говорил. Кстати, я всё-таки позвонил этой Татьяне. Ну никого не мог уговорить на встречу из прежних подруг, все вдруг оказались или ужасно заняты, или ужасно верны своим мужьям. Надо сказать, это периодически происходит в моей жизни, то есть наступает такая полоса, когда я оказываюсь бесхозным. Через пару недель сексуальная энергия уже начинает давить мне на мозг, и я порой произвожу необдуманные движения. Таким и был мой звонок вязаной Татьяне. Она, конечно, не сразу вспомнила меня, и мне пришлось напоминать ей про

вечер с Лилианой Дроздовой. «А, да, Алексей, – наконец вызрело у неё воспоминание, – вы мне больше не звоните. Я уйду в монастырь». И отключила трубку.

Через полчаса Татьяна сама позвонила мне: «Алексей, вы хороший человек, я бы хотела вас познакомить со своей подругой. Её зовут Лена». Я слегка опешил – нестандартная ситуация, вдруг эта Лена с такими же тараканами в голове, подруга же всё-таки. Но из интереса согласился. И сначала не пожалел. Я позвонил по телефону, продиктованному Татьяной, и договорился с её подругой о походе в кино. Голос у Лены оказался приятным, да и сама она почти поразила меня, когда мы встретились в метро на заранее условленном месте. Мало того что она была, в отличие от сухой, как щепка, Татьяны, с очень хорошей фигуркой, на которой шикарно смотрелась юбка колоколом с какими-то цветами по подолу, так ещё и с тонкой талией, что почему-то всегда возбуждало меня.

На ней была коротенькая красная курточка с утянутым поясом, который подчеркивал эту талию. И сама она оказалась совсем не второй свежести, как её тощая подруга, а вполне привлекательной, хотя и приблизительно того же возраста, что и Татьяна. Я тут же постарался пустить в ход всё своё обаяние, прикинувшись простым, но тёртым жизнью парнем, но скоро понял, что и этого не нужно. Нам достаточно легко оказалось разговаривать без всяких прикидываний и притирок. И после фильма я, проводив её в метро, искренне сказал, что готов проводить её и в Подольск, только вернуться уже не смогу, поздно. Намёк был прозрачен, и Лена рассмеялась и сказала, что вполне может добраться сама. Я не стал навязываться, чтобы не спугнуть её своей нахрапистостью. Однако и следующие наши встречи привели не к ожидаемому мною хеппи-энду, а к тому, что я начал искать общения с теми женщинами, которых я называю «леди из сети».

Леди из сети

Леди бывают разные. Это я понял, когда обнаружил целый мир, образованный в сети интернета сайтами знакомств. Конечно, почти все они рассчитаны на то, чтобы тем или иным способом вытянуть из тебя денежку, но есть и такие, на которых можно общаться бесплатно. Я, естественно, предпочитал именно их. Сайты делились по назначению. Одни, к примеру, явно были рассчитаны на то, чтобы быстренько вызвонить одноразового партнёра. Это было похоже на случку, и я их сторонился. Другие обещали найти тебе верного спутника жизни и предлагали заполнить длинную анкету, претендуя на научность подхода. Это было и скучно, и нудно. Третьи маскировались под различные игры, одной из разновидностей которых были и знакомства. В общем личины были разные, а суть одна – свести мужчину и женщину. И все, кто хоть раз оказывался на подобном сайте, не могли уже, как от наркотика, от этого варианта препровождения времени и жизни отказаться.

Я, втянувшись, не раз это дело забрасывал, но, когда приходила такая полоса, что я оказывался без постоянной женщины, вновь возвращался к нему. Лена первой свежести легко шла на контакт, приезжала на своём собственном «Фольксвагене» несколько раз ко мне на свидания, кстати, оказалось, что кроме автомобиля у неё есть ещё что-то вроде своего дела, организованного на паях с несколькими подругами. Мы сидели в кафешках, пили кофе, заедая пирожными, болтали, и я каждый раз звал её к себе в гости. Она соглашалась, но каждый раз у неё оказывалась какая-то такая причина, что именно сегодня она этого сделать не может, но в следующий раз – обязательно. После первого обещания я был окрылён, после второго – озадачен, после третьего – задумался. Или она из породы динамисток, которые таким образом за что-то мстят мужикам, или у неё не всё в порядке со здоровьем, как минимум – с головой, или она рассчитывала на большую и светлую любовь, которая предполагает постель только после росписи в загсе. Все эти варианты меня не устраивали.

После развода с женой и раздела огромной трёхкомнатной квартиры на Таганке, оставшейся мне от родителей, я и оказался в этой панельной хрущобе в Перово. Не то чтобы мне было тесно в моей однушке, мне её вполне хватало, но я тосковал в ней. По сыну, по жене, которую, как ни пытался, никак не мог забыть. Сын уже вырос и теперь живет самостоятельной жизнью, я ему не нужен, а то, что он нужен мне, до него пока не доходит, и он мне даже не звонит. А она продолжает жить одна, и это всё время держит меня в надежде, что жизнь как-то повернётся и мы вновь окажемся вместе. И в то же время делать что-то для этого самому мне не хочется. Вернее, не могу себя заставить. То, как она поступила со мной, каждый раз, когда мысль об этом возникает, останавливает меня.

Это было в недавние ещё девяностые. Я после аспирантуры преподавал в одном из институтов историю философии, а жили мы с женой и сыном у моих родителей на Таганке. Зарплата препода известна даже младенцу, моему-то точно. Родители, конечно, помогали нам чем могли, но жена всё время рвалась найти работу, чтобы снимать отдельное жильё. Она преподаватель истории в школе. А история нашей страны, как обычно в смутные времена, вновь как раз оборачивалась своей неведомой историкам стороной. Я уговаривал её заниматься сыном, который должен был пойти, что называется, первый раз в первый класс, но она всё продолжала шерстить газеты с вакансиями и уже появившиеся такие же сайты в интернете. Всё это оборвалось в один день. В августовский день, когда мои родители поехали своим ходом, то есть на своей старенькой «Волге», дикарями отдыхать на Чёрное море. Решили вспомнить молодость, чтобы как-то освободить свой мозг от бардака, творившегося в стране.

Звонок из милиции о ДТП на трассе М-4 «Дон» приняла жена. Дальнейшим – привозом тел, оформлением всех похоронных бумаг и самими похоронами с поминками – занималась тоже она. Я лежал на диване и тупо смотрел в потолок. Только на кладбище сумел себя заста-

вить дойти. Стоял, держась за руку жены, у двух закрытых гробов в толпе родственников и папиных сослуживцев и ничего не ощущал. Только пустоту. Из летнего отпуска на работу я не вышел. В первый месяц после похорон жена подсаживалась ко мне на диван и говорила какие-то ласковые слова, поглаживая меня по голове. Во второй стала говорить, что надо приходиться в себя, что жизнь продолжается, что у меня сын, что работа, на которую она всё же устроилась, денег почти не приносит и надо думать о семье. На третий заявила, что так больше продолжаться не может, надо продать квартиру, чтобы ничего не напоминало о родителях, говорят, это помогает, и она начинает заниматься этим. На четвёртый... на четвёртый она мне сказала, что хочет развестись со мной.

И скоро всё стало происходить с невероятной быстротой. Она сводила меня в загс, и мы развелись – по обоюдному согласию разводят сразу, а я не противоречил. Как раз подошёл полугодовой срок, когда родительскую квартиру нужно было перерегистрировать на себя, этим тоже занималась жена, привозя меня только на подпись документов. Раздел квартиры состоялся не через обмен, а через продажу нашей и покупку двух других. Так что у жены осталась ещё приличная сумма в долларах и двухкомнатная где-то на Павелецкой, а я оказался лежащим на диване в хрущобе в Перово. Правда, диван остался прежним – жена часть мебели оставила мне и даже помогла перевезти. Кроме того, выделила мне небольшое количество дензнаков на первое время. И забыла о моём существовании. А я провалялся на диване ещё месяца полтора-два, иногда выходя в магазин и покупая водку с нехитрой снедью и по чуть-чуть потребляя всё это. Я лежал, смотрел телевизор и думал, что спиваюсь. Время тянулось муторными днями и ещё более муторными ночами. И всё же спиться мне не удалось.

Мне позвонил Андрей Гусев и предложил за приличные деньги включиться в выборную кампанию одного нашего общего знакомого. Вернее, это предложили ему, Гусеву, но он был занят своими писательскими делами и адресовал это заманчивое в финансовом смысле предложение мне. Мои финансы уже пели романсы. Мой институт к этому времени расформировали и куда-то включили как филиал, возвращаться было некуда, и я принял предложение товарища писателя. Я вдруг ощутил потребность в движении. Видимо, время, выделенное природой на восстановление центральной нервной системы путём лежания на диване, закончилось. И я не сразу, но всё же вошёл в ритм предвыборной гонки. Это было весьма занимательное предприятие. Периодически встречаясь с Андреем, я рассказывал ему о всех перипетиях тогдашней политической борьбы в глубинке, где баллотировался наш знакомец, в подробностях, и он потом эти подробности использовал в своём романе «Российская история-95». Так что его предложение пошло на пользу нам обоим.

С Гусевым мы познакомились ещё в восьмидесятые, когда я решил заняться велосипедным спортом и пришёл в велоклуб на Пресне. Андрей, который старше меня больше чем на десять лет, занимался там уже давно и серьёзно, участвуя в различных веломарафонах. Худой, высокий, неторопливый в движениях, он казался флегматичным субъектом, и только велогонки проявляли его истинный темперамент. Тогда мы были знакомы шапочно. Я выдержал спортивный стиль жизни недолго и вскоре забросил велосипед, решив писать статьи в газеты, и мы потеряли друг друга из виду. Однако в девяностые, столкнувшись в одной из газетных редакций, возобновили знакомство. Он уже издал свою первую книжку, кстати, тоже оставив спорт, и работал специальным корреспондентом «Российской газеты». Тут у нас оказалось гораздо больше совместных интересов, чем в велоспорте, да и разница в возрасте стёрлась, и вскоре мы уже могли общаться друг с другом часами. А к нашему времени, ко второй половине нулевых, он вообще оказался моим единственным другом.

Нас было пятеро неразлучных друзей во дворе моего таганского дома, где я вырос. Мы держались одной стаей, и никто из дворовых не решался нас задеть. Это было, как говорится, чревато. Я был самым спокойным в этой пятёрке и до последнего сдерживал своих неумных друзей. Первым нас покинул Володька, уйдя сначала в военное училище, а потом в Афган,

откуда вернулся в запаянном цинковом гробу. Ещё двое, Серёга и Витёк, упокоились на кладбище в девяностые, когда Россию делили и верхи, и низы, а они из боксёров переквалифицировались в бандитов. Последнего из оставшихся, Генку, доедала водка. Я первое время пытался как-то его вытащить, кодировал пару раз за свои скудные копейки, даже возил шивать торпеду, но хватало Генке ненадолго, а после того, как он развязывал, становилось всё гораздо хуже. Смотреть на это я уже не мог и заходил к нему теперь совсем редко.

Со времён учёбы на филфаке, как мы, шутя, называли свой философский факультет, а реально так называли девичий филологический, остался ещё один друг, Сашка, но он после окончания МГУ вернулся на свою далёкую родину, и мы общались только по интернету или посредством мобильной связи, да и то совсем редко. Что ни говори, а для поддержания дружеских отношений нужно всё-таки хоть изредка встречаться и выпивать. Тех, кто выпал из этой орбиты, ты, конечно, числишь в своих друзьях, но рассчитываешь уже всё же только на ближний круг. Кстати, если бы не жена и сын, то и я мог бы разделить участь или Серёги с Витьком, или Генки. Но семья и приличная работа удержали меня на плаву в том мутном потоке, который в девяностые разносил страну и утягивал людей на дно жизни. Он же, кстати, разметал практически всех моих московских приятелей-однокурсников. Первое время мы изредка встречались на какой-нибудь пятый – десятый год окончания универа, а после гибели родителей я перестал поддерживать даже такие отношения.

Вот так из людей, как говорится, социально близких мне остался один Андрей Гусев. И когда Лина прокатила меня со встречей, я позвонил ему, благо в результате своих жизненных коллизий он жил тоже в Перово. После стольких лет удалённого жительства мы могли видеть друг друга почти «в окно»: он теперь обитал на соседней улице. О моих отношениях с Линой он, конечно, знал всё в подробностях, потому как встречаться за рюмкой чая мы с тех пор, как оказались «соседями», стали гораздо чаще. Не то чтобы мы за столом перемывали кости всем знакомым, как это обычно делают женщины, но иногда, когда накопленные обиды на жизнь требовали выхода, это оборачивалось откровенным разговором. Да и, честно говоря, я не раз ждал от него совета, как от старшего товарища. Вот и теперь я жалился ему в надежде, что он что-то подскажет.

– Не знаю, звонить ли ещё Лине или плюнуть на всё и ждать естественного развития событий, – говорил я, совсем не подразумевая гордого одиночества. Мы только-только затронули тему электронных знакомств.

– Это простой вопрос. Я бы даже сказал – это не вопрос, – ответил Андрей. – Ты хочешь с ней встречаться, значит, набирай её номер телефона. Не хочешь – в сети жаждущих общения женщин тысячи и тысячи.

– А что ж ты до сих пор не обзавёлся подругой?

– У меня совсем другой взгляд на сетевые знакомства, я отношусь к ним с интересом учёного, исследующего все стороны современной жизни. Кстати, давай-ка поднимем бокалы за любовь.

Я уже сбился со счёта, сколько раз за этот вечер мы «поднимали бокалы», все обычные в таких случаях тосты уже были произнесены, так что последний, учитывая нашу сугубо мужскую компанию, оказался даже в чём-то оригинальным. Мы хлопнули ещё по рюмашке. Хотя тут я не прав, потому что Гусев действительно поднимал бокал. Привычка у него такая – наливать полный бокал водки и пить весь вечер, прихлёбывая по чуть-чуть. А я тоже пил водку маленькими глотками, но из крохотного стаканчика в виде сапожка, когда-то подаренного мне в качестве сувенира. Зажёвывая жгучую жидкость, я обдумывал эту глубокую мысль с бокалами и рюмашками, когда в дверь квартиры позвонили. Приехать без предварительного звонка по телефону могла только Лина, она это любила. Слава богу, канитель с сайтами знакомств можно забыть. Оставив Андрея на кухне, я вышел в прихожую и, отвернув замок, распахнул дверь. Передо мной стояли два разновеликих мужика.

– Алексей Витальевич Круторов? – вопросительно произнёс высокий парень лет тридцати пяти в потёртой спортивной курточке. Лицо его мне показалось знакомым, в отличие от второго мужичонки – постарше, маленького и в каком-то провинциальном пиджачишке, сердито сопящего у товарища под боком.

– Да, – с лёгкой заминкой ответил я.

– Алексей Витальевич, вы вчера подвозили Антонину Гребцову в город Железнодорожный? – вежливо полуспросил-полуутвердил высокий.

– Может быть... – Я не понимал, к чему они клонят, хотя уже смутно припоминал эту клеющуюся ко мне черашнюю Антонину.

– Алексей Витальевич, мы прекрасно знаем, что это были вы, – гнул свою линию высокий. – Номера вашей машины зафиксированы. Так что возникает деликатный вопрос. У Антонины Гребцовой в результате вашей поездки пропал кошелёк с деньгами. Как вы это можете объяснить?

– Да что тут объяснять, – не выдержал всё время дёргающийся в мою сторону из-под локтя высокого плюгавенький мужичонка. – Пусть деньги гонит!

В моей голове носились обрывки мыслей вперемешку с воспоминаниями прошлого вечера. Чего они хотят? У неё действительно пропали деньги или это обычные фраера, пытающиеся наехать на простодушного бомбилу? Да боже мой, этот высокий – это же зять её, теперь я его вспомнил, это он совал мне целую жменю мелочи. И что случилось? Может, она до дома не дошла, завалилась где-нибудь, а кошелёк её вытащили? Да нет, не было у неё при себе никаких денег, она всю свою сумку облазила при мне. Я принял решение.

– Послушайте, я вас узнал, – обратился я к высокому. – Подвозил я её, но денег у неё не было, вы же сами мелочь собирали. – Я повысил голос. – Так что давайте разойдёмся мирно!

Видимо, услышав разговор на повышенных тонах, из кухни в прихожую вышел Андрей. Он худой, но очень высокий и жилистый, сказывается его спортивное прошлое, так что его фигура обычно производит нужное впечатление.

Фраера, похоже, не ожидали, что в квартире ещё кто-то есть. Во всяком случае, маленький мужичонка, всё порывающийся нервно что-то сказать, сразу как-то утих и успокоился. Но высокий после недолгого замешательства вновь продолжил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.